

-
Файл подготовил Y_P_Leonet
Специально для группы ВКонтакте
«Духовное Наследие Льва Толстого»
ПЕРЕПЕЧАТКА ДОЗВОЛЯЕТСЯ БЕЗВОЗМЕЗДНО (даром).
-

О СТАТЬЕ

У Ильи Петровича Накашидзе, кавказского друга и помощника Л.Н. Толстого в борьбе с тогдашним правительством за права сектантов-духоборов, был брат, Александр Петрович. В январе 1901 г. Александр Петрович, в то время 19-летний студент, проходя по московской улице, стал свидетелем того, как несколько полицейских схватили и начали избивать женщину (не исключено, что это была провокация, рассчитанная именно на его предсказуемую реакцию, а целью имевшая создание дополнительных трудностей в деятельности его брата).

Вступившись за женщину, Александр Петрович талантливо и остроумно объяснил "представителям власти" всё, что он думает по поводу их личных и профессиональных достоинств в связи с их действиями. В ответ его самого схватили, обвинив в "пьянстве", и, для "вытрезвления", сволокли в участок, где, для чего-то жесточайше избив и раздев, бросили в холодной камере, в которой

Александр Петрович, помимо телесных повреждений, также простудился и заболел плевритом.

Вспоминает: П.И. Бирюков, биограф Л.Н. Толстого:

«Русское правительство, чувствуя шатанье своих основ, как раненый зверь, бросалось со злобой на своих врагов, часто только воображаемых, отчего, конечно, страдали невинные. Одною из таких жертв был молодой человек, Накашидзе, студент, брат Ильи Петровича Накашидзе, известного литературного представителя толстовского движения на Кавказе. Он был тогда с братом в Москве и обратился ко Л. Н-чу за защитой своего брата, подвергавшегося безобразному насилию со стороны московской полиции по какому-то глупому и дикому недоразумению.

Л. Н-ч обратился с письмом к тогдашнему обер-полицмейстеру, впоследствии диктатору Дм. Фед. Трепову, которого он знал как друга и товарища по военной службе В. Г. Черткова. И несмотря на корректный тон этого письма, в нём чувствуется нотка, указывающая, что чаша терпения переполнилась и у Льва Николаевича:

"Дмитрий Фёдорович. Передаст вам это письмо князь Илья Петрович Накашидзе, мой приятель и человек, пользующийся всеобщим уважением и потому заслуживающий внимания к своим словам.

С его братом, прекрасным юношей, чистым, нравственным, ничего никогда не пьющим, случилась ужасная, возмутительнейшая история, виновниками которой полицейские чины.

Судя по тому, что случилось с молодым Накашидзе, каждый из нас, жителей Москвы, должен постоянно чувствовать себя в опасности быть осрамленным, искалеченным и даже убитым (молодой Накашидзе теперь опасно болен) шайкой злодеев, которые под видом соблюдения порядка совершают безнаказанно самые ужасные преступления.

Я вполне уверен, что совершённое полицейскими преступление будет принято вами к сердцу, и что вы избавите нас от необходимости давать этому делу самую большую огласку и сами примете меры к тому, чтобы все полицейские знали, что такие поступки некоторых из них не одобряются высшим начальством и не должны повторяться.

Пожалуйста потрудитесь прочесть описание, сделанное пострадавшим. Они носит такой характер правдивости, что и не зная лично молодого человека, нельзя сомневаться в истинности его показаний. Желаю вам всего хорошего. Лев Толстой".

Москва, 24 января 1901 г."

Вмешательство Л.Н. Толстого помогло: судя по источникам, меры в данном случае были приняты, и дальнейшей огласки не потребовалось. Впрочем, это не

означает, что изменились "стиль" и тон взаимоотношений буржуазного правительства России и его "силовых структур" со всем народом: мы слишком хорошо знаем, что они не изменились и по сей день, будучи трепетно, как "старая традиция", сберегаемы в среде и современных российских полицаев, подлых шестёрко-прислужников воровского, насильнического и лживого путинского режима...

Одному из своих корреспондентов, Н.В. Скарятину, справедливо полагавшему, что такую власть нельзя признавать и такой режим надо валить любыми средствами, Л. Н-ч, вскоре после событий с Накашидзе, возражал в письме от 28 января 1901 г., напомнив о евангельских словах Христа: «НЕ ПРОТИВЬТЕСЬ ЗЛОМУ».

Насилие в ответ на насилие — плохой, грубый метод. Правительство нужно валить, но — утончённей, аккуратней... но зато наверняка, чтобы не давать ему повода для отпора до тех пор, пока не будет уже слишком поздно: валить, начиная не с улиц, а с голов — прежде всего, молодых людей, развращённых правительствами и нуждающихся в христианском религиозном перевоспитании. ТОЛЬКО ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА, война передовых религиозных идей, а не пуль и кулаков, даёт шансы на успех!

Л.Н. Толстой:

«Если люди заперты железной дверью в неразрушимых стенах и их мучают, то я полагаю, что неразумно напирать плечами и руками на стены и дверь и призывать к этому товарищей, а надо найти или сделать ключ или инструмент для уничтожения замка и запоров. <...> Люди останутся мучимыми и оскорбляемыми рабами до тех пор, пока будут напирать на стены и дверь, надеясь отпереть её и не заботясь о том, чтобы найти или сделать ключ или отмычку.

Я считаю таким ключом <...> уяснение для себя и распространение среди людей мировоззрения религиозного, христианского, не позволяющего людям участвовать в правительстве в виде ли чиновников, получающих от него деньги, собранные с народа, или в виде солдат или генералов" (ПСС. Т. 73. С. 25).

Важным шагом на этом пути Лев Николаевич считал истребление в сознании молодёжной России всякой легитимности существующей власти, всяких оправданий её существования:

"Главное - надо стараться разрушить постоянно поддерживаемый правительством обман, что всё, что оно делает, оно делает для порядка, для блага подданных.

Всё, что оно делает, оно делает или для себя (грабит покорённых), или для того, чтобы "leur donner le change" (* Чтобы обмануть их. *) и уверить их, что оно делает это для них». (Дневник, 1901-й год)

Но при этом, как мы знаем, Л.Н. Толстой оставлял место и для диалога с режимом. В этом же, 1901-м, году он опубликовал своё знаменитое обращение к «Царю и его помощникам», смысл которого — предупреждение о неизбежности революции и насилия в России в случае, если правительство не пойдёт на разумные и необходимые меры.

Работа над обращением началась в марте 1900 г. в связи со студенческими беспорядками в ряде российских городов, когда правительство приняло решение об отдаче в солдаты 183 студентов Киевского университета и о наказаниях других участников "беспорядков".

Основной, коренной причиной случившегося Толстой называет ошибочный, продолжающийся 20 лет, с момента убийства народовольцами «освободителя» Александра II, курс правительства на контрреформы, на усиление самодержавной деспотии (Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22т. Т.17. С. 194).

Центральное место в обращении занимает вновь предлагаемая и более обширная, чем в 1898 г., толстовская программа неотложных мер по обузданию «революционной ситуации». И первым её пунктом, конечно, вновь оказывается требование об уравнивании крестьянства в правах с другими сословиями, для чего необходимы:

- уничтожение института земских начальников;
- отмена особых правил, регулирующих отношения рабочих с нанимателями;
- отмена всех повинностей и свобода передвижения;
- ликвидация на селе круговой поруки и выкупных платежей;
- уничтожение телесных наказаний для крестьян (Там же. С. 195).

Далее Толстой предлагает немедленно отменить введённые 29 июля 1899 года «Временные правила», предусматривавшие наказания за участие в протестных акциях и неповиновение властям (Там же. С. 195-196).

Писатель, бывший, как известно, и опытным педагогом – не только теоретиком, но и практиком, - требует, как давно назревшей меры, обеспечения равного доступа всех граждан, без различия национальности и вероисповедания, к образованию, воспитанию и преподаванию, в том числе – к открытию частных школ и обучению в них (Там же. С. 196-197). Наконец, программу неотложных мер дополняет и не менее значимое требование уничтожения всех стеснений религиозной свободы (Там же. С. 197).

26 марта 1901 г. обращение Толстого было направлено Николаю II, великим князьям и министрам. Ответа не последовало. Опубликованная в «Листках свободного слова», выходящих в Лондоне, статья – обращение Толстого получила широчайшее распространение в рукописных списках и гектографированных изданиях, выпускавшихся революционерами. Последний факт тем печальнее и ужаснее, что Л.Н. Толстой, обращаясь к «Царю и его помощникам», преследовал цель помочь именно правительству, а не революционерам в их деятельности. Писатель, обращаясь к царю, членам Государственного совета и прочим высокопоставленным лицам, придерживался руслу своих убеждений, как политических, так и религиозно-нравственных. Перед нами – ещё не воинственный и гневный манифест, окрик орудующим убийцам, подобный «Не могу молчать», а СЛОВО-ОБРАЩЕНИЕ к «невольным единомышленникам» (Там же. С. 198). Оно содержит ПРИЗЫВ ХРИСТИАНИНА К СОБРАТЬЯМ действительно побороть зло надвигающейся революции – побороть по-евангельски, непотворением, творя добро всему народу в ответ на недоброе с его стороны, своевременно совершая необходимейшие социальные преобразования, а не протворясь злу насилем реакции, губельного ответного насилия.

Но взаимности понимания и диалога не возникло. Царское правительство упустило последнюю возможность не усугублять своей ссоры с Толстым (=Россией). Уже современный нам автор справедливо констатировал по поводу реакции «царя и его помощников» на предложения Толстого по поводу свободы вероисповедания: «Бесперспективность предложений Л.Н. Толстого объяснялась не только нежеланием властей идти на реформирование тех или иных институтов, но, прежде всего, тем, что проведение глобальной церковной реформы вывело бы реформаторов на проблему “свободы совести”. А это, в свою очередь, стало бы смертным приговором для православного, то есть лжехристианского, государства, ибо ложь православия являлась своего рода УНИВЕРСАЛЬНОЙ "ДУХОВНОЙ СКРЕПОЙ": не только нравственным, но и идеологическим основанием империи» (Фирсов С.Л. Церковно-юридические и социально-психологические аспекты «отлучения» Льва Николаевича Толстого (К истории проблемы) // Яснополянский сборник-2008. Тула, 2008. С. 373).

И империя сделала свой выбор. Символически он был удостоверен анонимной посылкой с верёвкой и рекомендацией удавиться, присланной в 1908 г. автору «Не могу молчать». Таков был ответ Льву консервативной России: Толстой ещё при жизни стал для неё мертвецом, трупом, чем-то таким, что следует игнорировать и забыть, похоронить в ушедшем XIX веке. В одесской консервативной газете «Свет» от 15 июля 1908г. появилась, также, кстати говоря, анонимная, басня «Повесившийся Лев» - корявая заявка на верноподданничество. Автор, якобы убеждённый (а может быть, и вправду убеждённый?) в том, что Толстой своими протестами против казней помогает революционным социалистам, неубедительно сожалел в басне от имени всей страны:

«Как жаль, что нам от Льва,
Который гением великим отличался,
Один лишь труп теперь остался».

А между тем «труп» и после 1908г. ещё дал жизнь целому ряду не утративших силы живого слова, общерусской и мировой актуальности произведений, в том числе – резко осуждающих «борцов за свободу», тех самых социалистов. Империя же, мнимо борясь с выступлениями радикалов ответным кровопролитием, множила и множила трупы, пока не стала трупом сама, так и не дав вразумительного, адекватного ответа на предъявленный ей историей вызов. Власть же в стране попала в руки понятливых учеников имперских палачей: политическая традиция «борьбы со злом» посредством убийства «злодеев» была продолжена и в «советскую» эпоху, а теперь и в новейший, «демократический», период российской истории...

Вся консервативно-религиозная по сущности своей программа мер по предотвращению катастрофы насильственного переворота, предлагавшаяся Толстым, была направлена на одно: уничтожение условий жизни в стране, порождающих бедствия и недовольство большей части её жителей и агрессию против властей со стороны меньшей её части. Писатель, говоря языком толстОЕдческой литературы «советской» эпохи, действительно «тянул страну назад». Но куда ещё тянуть самоубийцу, готового шагнуть в пропасть? Реализация подобной программы могла бы быть своевременным и спасительным для России УДАРОМ ПОНИЖЕ ПОЯСА «сынам противления» - революционерам. Для этого имперской «верхушке» нужно было сделать только НЕОБЫЧНОЕ и непростое для неё усилие – ПЕРЕСТАТЬ ВРАТЬ, ВРАТЬ И ВРАТЬ, СЕБЕ И НАРОДУ! А этого-то ей, с непривычки, и не удалось сделать – и удар ниже пояса самой империи стал неизбежен: тому, кому невозможно отступить назад, даже немного, чтобы перепрыгнуть через пропасть, остаётся либо обречённо топтаться на месте, либо падать...

В связи со сказанным выше напоследок подчеркнём, что теоретическое наследие Л.Н. Толстого и его судьба не утрачивают своей актуальности и в современной путинской России, где целый ряд теоретически разрешённых великим христианским мыслителем вековых проблем так и не нашёл ещё разрешения практического.

Роман Алтухов

Лев Николаевич Толстой
ЦАРЮ И ЕГО ПОМОЩНИКАМ (1901)

(По изданию:

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 тт. Т. 34. – С. 239 - 244)

—
239
-

Опять убийства, опять уличные побоища, опять будут казни, опять страх, ложные обвинения, угрозы и озлобление с одной стороны, и опять ненависть, желание мщения и готовность жертвы с другой. Опять все русские люди разделились на два враждебные лагеря и совершают и готовятся совершить величайшие преступления.

Очень может быть, что теперь проявившееся волнение и будет подавлено. Но если теперь оно и будет подавлено, оно не может заглухнуть, а будет всё более и более развиваться в скрытом виде и неизбежно рано или поздно проявится с увеличенной силой и произведёт ещё худшие страдания и преступления.

Зачем это? Зачем это, когда так легко избавиться от этого?

Обращаемся ко всем вам, людям, имеющим власть, от царя, членов государственного совета, министров, до родных — матери, жены, дядей, братьев и сестер, близких людей царя, могущих влиять на него убеждением. Обращаемся к вам не как к врагам, а как к братьям, неразрывно — хотите ли вы этого или нет — связанным с нами так, что всякие страдания, которые мы несём, отзываются и на вас, и ещё гораздо тяжелее, если вы чувствуете, что могли устранить эти страдания

и не сделали этого, — сделайте так, чтобы положение это прекратилось.

Вам или большинству из вас кажется, что всё происходит оттого, что среди правильного течения жизни являются какие-то беспокойные, недовольные люди, мутящие народ и нарушаю-

240

щие это правильное течение, что виноваты во всём только эти люди, что надо усмирить, обуздать этих беспокойных, недовольных людей, и тогда опять всё будет хорошо, и изменять ничего не надо.

Но ведь если бы всё дело было в беспокойных и злых людях, то стоило бы только переловить, заключить их в тюрьмы, сослать или казнить, и все волнения окончились бы. Но вот уже более 30 лет ловят, заключают, казнят, ссылают этих людей тысячами, а количество их всё увеличивается, и недовольство существующим строем жизни не только растёт, но всё расширяется и захватило теперь уже миллионы людей рабочего народа, огромное большинство всего народа. Ясно, что недовольство происходит не от беспокойных и злых людей, а от чего-то другого. И стоит только вам, правительственным людям, на минуту отвести внимание от той острой борьбы, которой вы сейчас заняты, — перестать наивно думать то, что выражено в недавнем циркуляре министра внутренних дел — что если полиция будет вовремя разгонять толпу и вовремя стрелять в неё, то всё будет тихо и спокойно, — стоит вам только перестать верить этому, чтобы ясно увидеть ту причину, которая производит неудовольствие в

народе и выражается волнениями, принимающими всё более и более широкие и глубокие размеры.

Причины в том, что вследствие несчастного, случайного убийства царя, который освободил народ, совершённого небольшой группой людей, ошибочно воображавших, что они этим служат всему народу, правительство решило не только не идти вперёд, отрешаясь всё более и более от несвойственных условиям жизни деспотических форм правления, но напротив, вообразив себе, что спасение именно в этих грубых отживших формах, в продолжение 20 лет не только не идёт вперёд, соответственно общему развитию и усложнению жизни, и даже не стоит на месте, а идёт назад, этим обратным движением всё более и более разделяясь с народом и его требованиями.

Так что виноваты не злые, беспокойные люди, а правительство, не желающее видеть ничего, кроме своего спокойствия в настоящую минуту. Дело не в том, чтобы вам сейчас защищаться от врагов, желающих вам зла, — никто не желает вам зла, — а в том, чтобы, увидав причину недовольства общества, устранить ее. Люди все не могут желать раздора и вражды, а всегда предпочитают жить в согласии и любви с своими братьями.

Если же теперь они волнуются и как будто желают вам зла, то только потому, что вы представляетесь им той преградой, которая лишает не только их, но и миллионы их братьев лучших благ человека — свободы и просвещения.

Для того, чтобы люди перестали волноваться и нападать на вас, так мало нужно, и это малое так нужно для вас самих, так очевидно даст вам успокоение, что было бы удивительно, если бы вы не сделали этого.

А сделать нужно сейчас только очень мало. Сейчас нужно только следующее:

Во-первых — уравнивать крестьян во всех их правах с другими гражданами и потому уничтожить —

а) ни с чем не связанный, нелепый институт земских начальников;

б) отменить те особые правила, которые устанавливаются для определения отношений рабочих к нанимателям;

в) освободить крестьян от стеснения паспортов для перехода с места на место и также и от лежащих исключительно на них квартирной, подводной, сельской, полицейской повинностей (сотские, десятские);

г) освободить их от несправедливого обязательства платить по круговой поручке долги других людей, а также и от выкупных платежей, давно уже покрывших стоимость выкупаемых земель;

и главное д) уничтожить бессмысленное, ни на что не нужное, оставленное только для самого трудолюбивого, нравственного и многочисленного сословия людей, позорное телесное наказание.

Уравнение крестьянства, составляющего огромное большинство народа, во всех правах с другими сословиями особенно важно потому, что не может быть прочно и твёрдо такое общественное устройство, при котором большинство это не пользуется одинаковыми с другими правами, а находится в положении раба, связанного особыми, исключительными законами. Только при равноправности трудящегося большинства со всеми другими гражданами и освобождении его от позорных исключений может быть твёрдое устройство общества.

Во-вторых — нужно перестать применять так называемые правила усиленной охраны, уничтожающей все существующие законы и отдающей население во власть очень часто безнравственных, глупых и жестоких начальников. Неприменение

усиленной охраны важно потому, что эта приостановка действия общих законов развивает доносы, шпионство, поощряет и вызывает грубое насилие, употребляемое часто против рабочих, входящих в столкновения с хозяевами и землевладельцами (нигде не употребляются такие жестокие истязания, как там, где действуют эти правила). Главное же потому, что только благодаря этой страшной мере всё чаще и чаще стала употребляться вернее всего развращающая людей, противная христианскому духу русского народа и не признанная до этого в нашем законодательстве смертная казнь, составляющая величайшее, запрещённое Богом и совестью человека преступление.

В-третьих — нужно уничтожить все преграды к образованию, воспитанию и преподаванию. Нужно:

а) не делать различия в доступе к образованию между лицами различных положений и потому уничтожить все исключительные для народа запрещения чтений, преподаваний и книг, почему-то считаемых вредными для народа;

б) разрешить доступ во все школы лиц всех национальностей и исповеданий, не исключая и евреев, почему-то лишённых этого права;

в) не препятствовать учителям вести преподавание в школах на тех языках, на которых говорят дети, посещающие школу;

главное г) разрешить устройство и ведение всякого рода частных школ, как низших, так и высших, всем людям, желающим заниматься педагогической деятельностью.

Освобождение образования, воспитания и преподавания от тех стеснений, в которых они находятся теперь, важно потому, что только эти стеснения мешают рабочему народу избавиться от того самого невежества, которое служит теперь для правительства главным доводом для применения к народу этих самых стеснений. Освобождение от правительственного вмешательства в дело образования рабочего народа дало бы возможность народу усвоить несравненно более быстро и целесообразно все те знания, которые нужны ему, а не те, которые навязываются ему. Разрешение же открытия и ведения

школ частными лицами уничтожило бы постоянно возникающие волнения среди учащейся молодёжи, недовольной порядками заведений, в которых они находятся. Если бы не было препятствий к устройству сво-

243

бодных частных школ, как низших, так и высших, молодые люди, недовольные порядками правительственных учебных заведений, переходили бы в те частные учреждения, которые отвечали бы их требованиям.

Наконец, *в-четвёртых*, и самое важное, нужно уничтожить все стеснения религиозной свободы. Нужно:

а) уничтожить все те законы, по которым всякое отступление от признанной правительством церкви карается как преступление;

б) разрешить открытие и устройство старообрядческих часовен, церквей, молитвенных домов баптистов, молокан, штундистов и др.;

в) разрешить религиозные собрания и религиозные проповеди всех исповеданий;

и г) не препятствовать людям различных исповеданий воспитывать своих детей в той вере, которую они считают истинной.

Сделать это необходимо потому, что, не говоря уже о той выработанной историей и наукой и признанной всем миром истине, что религиозные гонения не только не достигают своей цели, но производят обратное

действие, усиливая то, что они хотят уничтожить, не говоря и о том, что только вмешательство власти в дела веры производит вреднейший и потому худший, так сильно обличаемый Христом порок лицемерия, не говоря уже об этом, вмешательство власти в дела веры препятствует достижению высшего блага как отдельного человека, так и всех людей — единения их между собою. Единение же достигается никак не насильственным и невозможным удержанием всех людей в раз усвоенном внешнем исповедании одного религиозного учения, которому приписывается непогрешимость, а только свободным движением всего человечества в приближении к единой истине, которая одна и поэтому одна и может соединить людей.

Таковы самые скромные и легко исполнимые желания, как мы думаем, огромного большинства русского общества. Применение этих мер несомненно успокоит общество и избавит его от тех страшных страданий и (то, что хуже страданий) преступлений, которые неизбежно совершатся с обеих сторон, если правительство будет заботиться только о подавлении волнений, оставляя нетронутыми их причины.

Обращаемся ко всем вам, — царю, министрам, членам государственного совета и советчикам и близким к царю, — вообще ко всем лицам, имеющим власть, помогите успокоению общества и избавлению его от страданий и преступлений. Обращаемся к вам не как к людям другого лагеря, а как к невольным единомышленникам, сотоварищам нашим и братьям.

Не может быть того, чтобы в обществе людей, связанных между собою, было бы хорошо одним, а другим — худо. В особенности же не может этого быть, если худо большинству. Хорошо же всем может быть только тогда, когда хорошо самому сильному, трудящемуся большинству, на котором держится всё общество.

Помогите же улучшить положение этого большинства, и — в самом главном: в его свободе и просвещении. Только тогда и ваше положение будет спокойно и истинно хорошо.

Мнение это не одно моё мнение, а мнение многих и лучших, разумных, бескорыстных и добрых людей, желающих того же.

Лев Толстой.
15 марта 1901.

-

Комментарии Н. Н. Гусева и Е. С. Серебровской

-

«ЦАРЮ И ЕГО ПОМОЩНИКАМ»
ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ И ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

-

Начало 1901 г. в России было ознаменовано большим подъемом революционного движения рабочего класса, оказавшего свое влияние на крестьянство и усилившего оппозиционные выступления студенчества.

11 января 1901 г. в газетах было опубликовано правительственное сообщение Министерства народного просвещения о том, что на основании «временных правил 29 июля 1899 г.» сто восемьдесят три студента Киевского

университета «за учинение скопом беспорядков» отдаются в солдаты. В. И. Ленин посвятил этому событию статью «Отдача в солдаты 183-х студентов», напечатанную в № 2 «Искры» за 1901 г. В своей статье Ленин говорил о «жестокости нового наказания», его «унизительности», о том, что «это — пощечина русскому общественному мнению, симпатии которого к студенчеству очень хорошо известны правительству». Ленин писал: «И все сознательные элементы во всех слоях народа обязаны ответить на этот вызов, если они не хотят пасть до положения безгласных, молча переносящих оскорбления рабов. А во главе этих сознательных элементов стоят передовые рабочие... Студент шел на помощь рабочему, — рабочий должен прийти на помощь студенту» (Сочинения, т. 4, стр. 391—392).

Толстой с живейшим интересом следил за происходившими в стране событиями и по-своему откликался на них. Он написал приветственный адрес «Союзу писателей», закрытому за протест против избиения демонстрантов полицией и казаками 4 марта; сочувственное письмо князю Л. Д. Вяземскому, получившему от царя выговор и высланному из Петербурга за попытку остановить это избиение (т. 73), и обращение к «Царю и его помощникам».

Начало работы над обращением к «Царю и его помощникам» относится к середине марта 1901 г.

19 марта Толстой записал в Дневнике: «За это время... [были] студенческие истории, принявшие общественный характер и заставившие меня написать обращение к царю и его помощникам и программу. Старался руководиться только желанием служить, а не личным удовлетворением. Еще не посылал. Как будет готово, пошлю» (т. 54, стр. 90).

Первоначально отдельно от обращения Толстым была написана статья, озаглавленная сначала «Желания народа», а затем — «Чего желает прежде всего большинство русского народа». Позднее эта «программа», как назвал Толстой в Дневнике свою статью, была включена в текст самого обращения.

Третью редакцию обращения Толстой подписал и датировал 15 марта 1901 г.

В письме к Черткову от 20 марта Толстой уже обещал выслать ему свое «Обращение к царю и его помощникам» и статью «Чего может желать большинство русского народа» (т. 88).

26 марта (см. письмо Толстого от этого числа В. Г. Черткову и запись в Дневнике 28 марта) была закончена переписка всех экземпляров обращения, которые затем были посланы царю, великим князьям, министрам, а также Черткову в Англию для опубликования.

Толстой, по-видимому, ожидал ответа на свое обращение, так как 31 марта записал в Дневнике: «Из Петербурга ничего» (т. 54, стр. 94). Ответа Толстой не получил, и ни одно из предлагавшихся им в статье мероприятий правительством не было осуществлено.

В. Г. Чертков 10 апреля (нового стиля) уведомил Толстого о получении статьи «Царю и его помощникам» и сообщал некоторые свои замечания. В следующих трех местах Чертков предлагал исключить подчеркнутые им слова: «1) отменить те особые правила, которые устанавливаются для определения отношений рабочих к нанимателям (отношения эти должны определяться общими законами); 2) разрешить устройство и ведение всякого рода частных школ, как низших, так и высших, всем людям, не лишенным прав; 3) разрешить религиозные собрания и религиозные проповеди всех исповеданий, не заключающих в себе требований противоестественных, как скопчество, убийство или самоубийство». Кроме того, А. К. Черткова предложила фразу: «Причины в том, что вследствие несчастного, случайного убийства царя, освободившего народ, совершенного небольшой группой людей, неправильно приписанного всему народу, правительство решило» — изменить следующим образом: «Причины в том что вследствие несчастного случайного убийства царя Александра II, совершенного небольшой группой людей, ошибочно вообразивших, что они этим служат всему народу, правительство решило».

По поручению Толстого, П. А. Буланже ответил 3 апреля согласием на предлагаемые исправления. Вскоре, с изменением указанных Чертковым мест, обращение появилось в Англии в «Листках Свободного слова» (№ 20).

В России статья Толстого в гектографических и рукописных копиях распространялась нелегально. «Напечатано сотни «Царю», — отметил Толстой в своей Записной книжке (т. 54, стр. 244). С одного из таких списков

обращение было перепечатано П. И. Бирюковым в приложении к издававшемуся им в Женеве журналу «Свободная мысль» (№ 13). Здесь обращение было напечатано без изъятия тех мест, на которые указывал Чертков, и с ошибками в тексте. Вскоре обращение появилось на русском языке и в других заграничных изданиях.

В России обращение появилось отдельным изданием в 1917 г. в книгоиздательстве «Звезда» и в книге «Лев Толстой и русские цари» (изд. «Свобода» и «Единение», М. 1918).

В собрания сочинений Толстого обращение было включено впервые в 1911 г. в 20-ю часть двенадцатого издания. По приговору Московской судебной палаты 19 апреля 1911 г. письмо-обращение было изъято из тома.

По поводу статьи «Чего прежде всего желает большинство русского народа» у Толстого с Чертковым происходила оживленная переписка. В письме 15 мая (нового стиля) 1901 г. Чертков настаивал на том, чтобы в «программу» было включено требование «свободы слова и печати». 7 мая Толстой отвечал: «О свободе слова не упомянуто мною наисознательнейшим образом. Замечание всех интеллигентов о том, что это необходимо включить, только еще более утверждает меня в необходимости не упоминать об этом. Все 4 пункта поймет самый серый представитель 100 миллионов. Свобода же печати не только не нужна ему, но он не поймет, зачем она, когда ему не дают книг разрешенных». И далее Толстой подробно развивал эту свою мысль (т. 88, см. также Дневник 1901 г., запись от 7 мая, т. 54, стр. 98). В следующем письме, 21 мая, Толстой писал Черткову: «Программу эту и вообще не стоит печатать по ее ничтожности и потому, что я начал обрабатывать ее и из нее очень может выйти полезная вещь» (т. 88). На основании этого письма Толстого статья не была напечатана Чертковым. Она появилась только в 1923 г. в «Биографии Л. Н. Толстого», составленной П. И. Бирюковым (т. IV, стр. 25).

Общее количество рукописного материала, относящегося к описываемым статьям, исчисляется в 113 лл. разного формата.

Все рукописи расположены хронологически под №№ 1—13. Рукописи №№ 1, 3 и 5 — автографы, № 13 — машинопись, остальные — рукописные копии с поправками Толстого.

Заглавия проставлены Толстым в следующих рукописях: № 2 — «Обращение <русских людей> к царю и его помощникам», № 4 — «Чего желает прежде всего большинство людей русского народа», № 5 — «Желания народа», № 7 — «Царю и его помощникам».

Дата Толстого имеется в рукописи № 8 — «15 марта 1901».

В настоящем издании статья «Царю и его помощникам» печатается по тексту издания «Свободного слова», с исправлениями по рукописям №№ 12 и 13.
